

P. A. ЛЕЧ

ЯКОВ ГРИММ И ФРАНЦ БОПП О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Что балтийские и славянские языки связаны ближайшим родством, бросается в глаза каждому, кто хоть в какой-то мере знаком с ними. До возникновения сравнительно-исторического языкознания и систематического изучения как всей индоевропейской языковой семьи в целом, так и отдельных ее групп балтийские языки, как известно, нередко относили прямо к славянским. Целый ряд высказываний такого рода приводит А. Сабалиускас¹.

Особенно показательны в этом отношении взгляды М. В. Ломоносова, который, в частности, в своем труде „Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года“² неоднократно подчеркивает, что литовский, латышский и древне-прусский языки — это славянские языки. Правда, Ломоносов считает славянами и роксоланов, сарматов, варягов и даже готов, так что можно предполагать, что и языки этих народов, связанных со славянами еще более отдаленным родством, он относил к славянским языкам.

Но и в такой, так сказать, сугубо лингвистической книге, как вышедший в Лейпциге в 1782 г. „Grundriß der menschlichen Sprache nach allen bisher bekannten Mund- und Schriftarten“ Рюдигера, литовский и латышский языки как последние две позиции также включаются в состав славянской семьи. Показательно, что эту ошибку подверг критике никто иной как „отец славистики“ Й. Добровский, который в своей книге „Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur“, вышедшей в Праге 10 лет спустя, пишет следующее: „Allein beide letzteren gehören ebensowenig unter die slawischen Sprachen als das Preußische, weil jene, so wie dieses in vielen wesentlichen Stücken, sowohl in der Bildung der Substantive als in der Biegung derselben und in der Form der übrigen Redeteile, kurz in der Grammatik und Lexis oder einzelnen Wörtern, ungeachtet der großen Sprachähnlichkeit, die sie sonst untereinander haben, vom Slawischen gar zu merklich abweichen und höchstens nur als nahe verwandte

¹ Sabaliauskas A. Lietuvių kalbos tyrinėjimo istorija. Vilnius, 1979.

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6: М.; Л., 1952. С. 162—286.

Sprachen mit der slawischen angesehen werden können“ (с. 18). Оценка, следует признать, совершенно современная.

Что балтийские и славянские языки, наряду с латынью и древнегреческим языком, санскритом, древнеперсидским и готским языками, благодаря сохранившейся богатой словоизменительной морфологии сыграли выдающуюся роль в становлении сравнительно-исторического языкознания, общеизвестно. Вполне понятно, что основоположники сравнительной грамматики уделяли балтийским и славянским языкам должное внимание.

Так Я. Гримм еще в 1822 г. в рецензии на книгу Фатера “Die Sprache der alten Preußen“³ дает оригинальную классификацию балтийских языков, в которой в качестве четвертого „диалекта“, наряду с прусским, латышским языками и аукштайтским диалектом литовского языка, выделяет жемайтский. Какое огромное значение Гримм придавал именно балтийским языкам, вытекает из его слов, что эта группа языков „es an Wortreichthum, wohl laut und grammatischer fülle mit jeder deutschen oder slavischen Sprache aufnimmt, im einzelnen ihnen zuvortut“, и что поэтому она „liefert dem deutschen so wie dem slavischen Sprachforscher wichtige Aufklärungen.“ Тут уже содержится намек на ту концепцию Гримма, которую позднее, в 1848 г. он эксплицитно изложит в „Истории немецкого языка“⁴. Имеется в виду положение Гримма о том, что балтийские и славянские языки в рамках индоевропейской семьи образуют особую группу вместе с германскими⁵. При этом он констатирует: „Litthauische und sl. zunge stehn zueinander noch näher als eine von beiden zur deutschen, und vieles worin sie dieser begegnen, ist ihnen gemeinschaftlich; doch hat auch jede ihre eigenen beziehungen mit unserer sprache“ (с. 1025). Таким образом, концепция Гримма не представляет собой жесткую схему родословного древа, а скорее напоминает положения современной ареальной лингвистики или лингвогеографии. Подробной аргументации своей точки зрения Гримм в „Истории немецкого языка“ не дает. Но тем не менее, можно предполагать, что и постулируемую балто-славянско-германскую, и, тем более, балто-славянскую группу, Гримм рассматривает как генетические единства. Об этом можно судить хотя бы по тому, что Гримм настаивает на том, что предки германцев, славян и „литовцев“, т. е. балтов, должны были переселиться из Азии в Европу вместе, иначе близкое родство их языков было бы просто необъяснимо.

³ Braunschweig, 1821.

⁴ Geschichte der deutschen Sprache. 2 Bände. Leipzig, 1848.

⁵ Данная точка зрения была впервые изложена в книге: Zeuß В. С. Die Deutschen und die Nachbarstämme, München, 1837. В дальнейшем ее, как известно, более подробно пытался обосновать А. Шлейхер, который даже придумал название “Slawodeutsch”.

Более конкретно о взаимоотношениях балтийских и славянских языков, равно как и об их связях с другими индоевропейскими языками, высказался Ф. Бопп. Он пытался дать и объяснение этих специфических связей.

Хотя соответствующие тезисы Боппа упоминаются в книгах В. Порцига⁶ и А. Сабаляускаса⁷, стоит несколько подробнее остановиться на них.

В основополагающем первом труде Боппа⁸ балтийский и славянский материал, как уже вытекает из названия книги, не учитывается. Но еще во время работы над „Системой спряжения“, 20 ноября 1815 г. он пишет своему учителю Виндишманну: „Ich möchte gerne meine Sprachforschungen und Vergleichen weiter fortsetzen und in einem 2ten Theile, die nomina umfassend, zeigen wie sie aus den Wurzeln durch Flexion entstehen, oder durch Anhängung schon für sich bedeutsamer Wörter. Wir werden da wieder in den behandelten Sprachen Übereinstimmungen finden, die sie sämtlich zu einem ganzen machen, und es wird in der Griechischen, Lat. und Germanischen Sprache manches erklärt werden können, was aus ihnen allein nicht geschehen kann. Wenn ich diese Vergleichen erschöpft, werde ich untersuchen, was im Armenischen und Slawischen noch Indisches ist, und woher das sey, was nicht Indisch ist, deshalb werde ich mich mit dem bekannt machen, was von dem Tartarischen zu erlernen ist...“⁹

Стало быть, Бопп тогда намерен был заняться изучением неиндоевропейских элементов в индоевропейских, в частности славянских, языках. Как известно, он эти планы не осуществил. Почему, мы не знаем. Но если мы правильно интерпретируем это место в письме в том смысле, что Бопп хотел исследовать именно тюркские элементы в славянских языках, которые, если не считать болгарского и македонского языков¹⁰, ограничиваются лексическими заимствованиями, то вполне возможно, что теоретик грамматики Бопп, не имевший доступа к балканославянскому материалу, потерял интерес к этой проблеме. Но, как бы то ни было, во всяком случае Бопп еще в 1815 г. четко сознавал, что без основательного изучения славянских языков ему нельзя будет осуществить планы всестороннего исследования индоевропейских языков.

⁶ Porzig W. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954. S. 19, 164.

⁷ Указ. соч. С. 47 и сл.

⁸ Bopp F. Über das Konjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache. Frankfurt a. Main, 1816.

⁹ Lefmann S. Franz Bopp, sein Leben und seine Wissenschaft. 1. Hälfte. Berlin, 1891. S. 33*.

¹⁰ Löttsch R. Versuch einer Typologie der slawisch-nichtslawischen Sprachkontakte // Zeitschrift für Slawistik. 1977. Bd. 22. S. 591—598. См. и указанную там литературу.

А 16 июля 1823 г., уже будучи профессором Берлинского университета, он пишет Виндишманну: „Ich habe neben den früher verglichenen Sprachen auch das Lettische, Litauische, Altpreußische und Slawische aufgenommen.“¹¹ До этого, 24 апреля того же года, он выступил с докладом в Академии наук, расширенный вариант которого начиная с 1824 г. под названием „Vergleichende Zergliederung des Sanskrit und der mit ihm verwandten Sprachen“ печатался в „Abhandlungen der Königlich Akademie der Wissenschaften zu Berlin“¹². Уже в этой работе Бопп пришел к выводу о том, что балтийским языкам непосредственно родственны славянские языки и обе группы связаны ближайшим родством с арийскими языками. Следовательно, относительно внешних связей балто-славянских языков Бопп приходит к выводу, противоположному тезису Я. Гримма о балто-славянско-германском промежуточном праязыке, выдвинутому, как уже упоминалось, К. Цойсом и получившему дальнейшее развитие в работах А. Шлейхера. Большинство исследователей пошло скорее за Боппом, чем за Цойсом, Гриммом, Шлейхером. Во всяком случае, тезис о существовавшем некогда балто-славянско-германском праязыке фактически отвергли все индоевропеисты, балтисты, слависты и германисты¹³.

Как Бопп обосновывает свой тезис? В докладе 1823 г. его аргументация выглядит еще довольно скромно. Он указывает на отпадение конечного *-n* или *-r* в номинативе ед. ч. соответствующих основ: санскр. *āsmā*, *duhitā*, *mātā*, *swaśā*; лит. *akmuo*, *duktė*, *motė*, *sesuo* — лат. *mater*, *soror*. Славянские соответствия *kamy*, **dъkti*, *mati* почему-то не приводятся, но Бопп упоминает аналогичное славянское явление в письме Якобу Гримму от 6 августа 1824 г. Зато еще в первой части работы „Vergleichende Zergliederung“ он отождествляет формы датива личных местоимений „я“ и „ты“ санскр. *mē*, *tē*, слав. *mi*, *ti*. В опубликованной в 1825 г. второй части работы „Vergleichende Zergliederung“¹⁴ Бопп указывает и на то, что как в балтийских и славянских, так и в арийских языках возвратное местоимение может относиться и к 1-му, и ко 2-му лицу.

¹¹ Lefmann S. Franz Vopp..., S. 75*.

¹² Перепечатано в книге: Vopp F. Kleine Schriften zur vergleichenden Sprachwissenschaft. Gesammelte Berliner Akademieabhandlungen 1824—1854. Zentralantiquariat der Deutschen Demokratischen Republik. Leipzig, 1972.

¹³ В последние годы, однако, наблюдается известное возрождение этих взглядов. См., в частности: Brozović D. O mjestu praslavenskoga jezika u indoevropskom jezičnom svijetu // RFFZd. Zadar, 1983, Sv. 21 (12). P. 5—15.

Предпринятая в этой статье попытка обосновать тезис о том, что балто-славянско-германский язык — это индоевропейский язык на последнем этапе до окончательного „распада“ после того, как все остальные диалекты уже от него отделились, заслуживает, как мне думается, самого пристального внимания.

¹⁴ Kleine Schriften. S. 33—42.

Но главным аргументом в пользу постулируемого им балто-славянско-арийского единства начиная с 1833 г. Боппу служит так наз. сатемизация, переход в этих языках палатальных велярных в свистящие или шипящие. Так, в вышедшей в 1833 г. работе „Über die Zahlwörter im Sanskrit, Griechischen, Lateinischen, Lithauischen, Gotischen und Altslawischen“¹⁵ он указывает на наличие шипящего или свистящего в санскр. *daṣa*, лит. *dešimtis*, слав. *desęть*, с одной стороны, и велярного в лат. *decem*, греч. *δέκα*, гот. *taihun*, с другой стороны. А в работе „Über die Sprache der alten Preußen“, вышедшей в 1853 г.¹⁶ и основанной на докладах, прочитанных в Академии наук в 1849, 1850 и 1853 г., Бопп свои познания формулирует следующим образом: „Älter als die palatalen Mutaе (имеются в виду развившиеся из велярных перед гласными переднего ряда аффрикаты *s, j*) ist im Sanskrit das palatale *ś*..., welches uns überall als Entartung der gutturalen Tenuis erscheint, die zwar noch nicht zur Zeit der ersten Sprachwanderung eingetreten war, da weder die klassischen, noch die germanischen, noch die keltischen Sprachen daran Theil nahmen, aber doch schon zu einer Zeit stattgefunden haben muß, wo die lettisch-slawischen Sprachen gleichsam noch im Schoße der asiatischen, vorsanskritischen Muttersprache verweilten; denn nur so erklärt es sich, daß gerade in den selben Wörtern, wo die indischen und medopersischen Sprachen einen aus *k* hervorgegangenen Zischlaut zeigen, dieser auch in den lettischen und slawischen Sprachen sich wiederfindet... So steht dem latein. *centum*, dem griech. *κατον* von *ἐ-κατον*, dem irländ. *ceat*, goth. *hunda* (als Verschiebung von *kunta*) im Sanskrit *śatam*, im Zend *śatem*, im Litt. *šimtas* (masc.), im Slaw. *sto* (neutr.) gegenüber“¹⁷.

Таким образом, Бопп обосновывает тезис, что балто-славянские и арийские языки связаны совместными инновациями, возникшими в рамках коммуникативной общности, которая продолжала существовать в Азии, когда носители будущих латинского, греческого, германских и кельтских языков уже переселились в Европу. Впервые эта мысль была сформулирована Боппом еще в 1823 г., в самом начале первой части работы „Vergleichende Zergliederung“. Имея в виду балтийские и славянские языки, Бопп тогда писал: „Diese Sprachen theilen nicht nur viele der wesentlichsten Berührungspunkte der erstgenannten (имеются в виду остальные индоевропейские языки Европы: латинский, древнегреческий и германские) mit dem Sanskrit, sondern bieten deren auch solche dar, welche jenen entgehen, und diese besondern Übereinstimmungen mögen zum Theil daher kommen, daß diese Völker, welche den

¹⁵ Ibid. S. 131–137.

¹⁶ Kleine Schriften. S. 479–533.

¹⁷ Ibid. P. 484.

nordöstlichen Theil von Europa bewohnen, in viel späteren Zeiten ihre asiatischen Ursitze verlassen haben, zu einer Zeit, wo die asiatische Stammsprache durch Veränderungen und neue Gestaltungen sich mehr dem Zustande genähert hatte, in welchem sie unter dem Namen Sanskrita bekannt ist. Das Griechische und Lateinische bieten nicht selten Formen dar, welche größeren Anspruch auf die Aufbewahrung der Urgestalt machen können, als die entsprechenden des Sanskrits¹⁸“.

Особенно тесную связь балтийских и славянских языков Бопп еще в „Vergleichende Zergliederung“ обосновывает тождеством существенных элементов морфологии местоимений.

Вторая балто-славянская общность — это неполная сатемизация. В работе „Über die Sprache der alten Preußen“ Бопп пишет: „Manche palatale Zischlaute der indischen und medopersischen Sprachen mögen jedoch erst nach derjenigen Sprachtrennung eingetreten sein, der die lettisch-slawische Sprachklasse ihren Ursprung verdankt... *ś*... von *aśman* Stein wird durch die lettisch-slawischen Sprachen nicht unterstützt, und das litt. *akmen* (Nom. *akmû* = *aśmâ*) und altslaw. *kamen*, Nom. *камы kamü*, stehen hinsichtlich ihres *k* auf einer älteren Stufe als das skr. Schwesterwort, und es kann nicht befremden, daß nachdem einmal die Neigung, das *k* gelegentlich zu einem Zischlaut zu schwächen, Wurzel gefaßt hatte, die betreffenden Sprachen auch nach ihrer Trennung den einmal angebahnten Weg weiter fortwanderten... doch kenne ich in den lettischen und slawischen Sprachen keine Beispiele mit Zischlauten gegenüber einem skr. *k*“¹⁹.

Возникает вопрос, что же Бопп подразумевает под тем явлением, которое он называет „lettisch-slawische Sprachklasse“? На этот вопрос Бопп отвечает совершенно однозначно. Статья „Über die Sprache der alten Preußen“ начинается со следующего рассуждения: „Das Preußische bildet mit dem Litauischen und Lettischen einen engeren Sprachenkreis, der zunächst an das slawische Sprachgebiet angrenzt, aber nicht als ein Bestandteil desselben angesehen werden kann, indem er sich von allen streng slawischen Dialekten in den meisten Fällen durch treuere Bewahrung der aus dem asiatischen Stammlande mitgebrachten Formen auszeichnet, aber auch an manchen Stellen der Grammatik Verluste und Entartungen erfahren hat, vor denen sich die slawischen Schwesteridiome zu bewahren gewußt haben“²⁰. В дальнейшем речь идет о разделении „des lettischen Zweiges von dem streng slawischen“ и дается точное определение характера взаимоотношений балтийских и славянских языков: „Nähere und fernere Verwandtschaft der Sprachen gründet sich einzig und allein auf spätere oder frühere

¹⁸ P. 485.

¹⁹ P. 485.

²⁰ P. 479.

Absonderung voneinander, und wenn die lettischen mit den slawischen in einem engeren Verwandtschaftsverhältnisse stehen als mit anderen Sprachen und Sprachgruppen unserer vielgliedrigen Sprachfamilie, so ist dies so zu verstehen, daß sie längere Zeit mit denselben oder mit der damals noch Einen slawischen Sprache Eins geblieben, und sich von derselben vielleicht erst auf europäischem Boden getrennt haben...“²¹

Иными словами, упомянутая „lettisch-slawische Sprachklasse“ Боппа — это генетическое единство, основанное на балто-славянском праязыке.

Таким образом, оба немецких основоположника сравнительно-исторического языкознания с полным правом могут считаться сторонниками идеи балто-славянского единства, хотя относительно внешних связей этого единства они отстаивали противоположные точки зрения.

²¹ P. 482.